

публики Беларусь (относительно ст. 233) строже: в нем используется наказание в виде ограничения свободы, а максимальный срок лишения свободы может достигать семи лет. В данном случае мы согласны с законодателем: общественная опасность незаконного предпринимательства часто недооценивается, поэтому возможность назначения более строгого наказания может и не отвратит лицо (лиц) от реализации преступного замысла, однако, несомненно, заставит призадуматься.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод, что законодатели России и Беларуси при разработке статей уголовных кодексов об ответственности за незаконное предпринимательство учли в большей или меньшей степени нормы Модельного уголовного кодекса.

Несмотря на достаточно большое количество различий ст. 171 УК РФ и ст. 233 УК Республики Беларусь служат одной цели – привлечению к уголовной ответственности за незаконную предпринимательскую деятельность.

На наш взгляд, законодателям обеих стран целесообразно рассмотреть возможность совершенствования статей уголовных кодексов.

Статью 171 УК РФ и ст. 233 УК Республики Беларусь следует дополнить квалифицирующим признаком «совершение группой лиц по предварительному сговору». Данное предложение, основанное на мнении сотрудников органов внутренних дел, занимающихся борьбой с преступлениями в сфере экономической деятельности, позволит привлекать к ответственности преступные группы, доказать организованность которых не представляется возможным.

Часть 3 ст. 35 УК РФ рекомендуется изложить в следующей редакции: «Преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений, а равно членом организованной группы во исполнение ее задания». Возможно, аналогичное дополнение следует внести также в ст. 18 УК Республики Беларусь. В такой редакции нормы будут в большей степени соответствовать ч. 3 ст. 38 Модельного уголовного кодекса.

УДК 343.16

П.В. Гридюшко

ДРУГ СУДА (AMICUS CURIAE) – НОВЫЙ УЧАСТНИК УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА?

Постоянные процессы поиска возможностей совершенствования уголовно-процессуальной деятельности нередко заставляют нас обратиться

к зарубежному опыту в той или иной сфере, изучить его и рассмотреть вопрос о целесообразности формулирования сходных правовых норм. Естественно, эти процессы достаточно сложны, многоаспектны и неоднозначны. Учет системы национального права, ментальности, традиций может в конце концов заставить отказаться от ряда на первый взгляд логичных и целесообразных новаций.

В целом необходимость изучения международного опыта никогда и никем не ставилась под сомнение как в среде ученых, так и в практической деятельности. Суждения обратного характера звучат в случае слишком больших масштабов такого изучения и последующего внедрения.

Так, среди положений «Дорожной карты дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации» звучало: «Для разработки правовых новаций необходимо тщательно изучить существующий зарубежный опыт организации уголовного судопроизводства; выбрать наиболее оптимальную для нашей страны модель; определить комплекс требуемых изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство и с учетом экономической составляющей процесса перехода на нее обсудить такую возможность со всеми заинтересованными ведомствами – участниками уголовно-процессуальных отношений, широкой общественностью» [1]. Такая категоричная постановка вопроса отчасти была подвергнута критике, и В.С. Джатиев, анализируя указанные пункты, называет одной из основных болезней уголовного процесса болезнь бездумного увлечения зарубежными заимствованиями [2]. А как высказался министр внутренних дел Республики Беларусь И.А. Шуневич, «отринуть вековой опыт, забыть все, что наработано, уложить машину правоохранительной системы в чужую матрицу и заставить ее шестеренки слаженно крутиться – это не удалось никому. Ни-ко-му» [3]. Согласимся, что вести речь о выборе и внедрении наиболее оптимальной зарубежной модели уголовного судопроизводства не совсем корректно. Однако изучение зарубежного опыта построения точечных правовых институтов, вне всяких сомнений, должно вести к позитивному результату.

Одной из подобных правовых норм, в своем чистом виде неизвестной национальному уголовному процессу, является норма о таком участнике уголовно-процессуальных отношений, как друг суда. УПК Грузии 2009 г. ввел его в уголовный процесс, а ст. 55 УПК Грузии так и именуется: «Друг суда (Amicus Curiae)». Согласно ей:

заинтересованное лицо, не являющееся стороной рассматриваемого уголовного дела, вправе не позднее чем за 5 дней до рассмотрения дела по существу, представить в суд свои письменные соображения по данному делу;

целью представления письменных соображений должна быть не поддержка какого-либо участника процесса, а стремление помочь суду соответствующим образом оценить рассматриваемый вопрос. Если суд признает, что письменные соображения составлены без соблюдения требований ст. 55 УПК, он оставит их без рассмотрения;

суд не обязан соглашаться с аргументами, приведенными в письменных соображениях;

письменные соображения по объему не должны превышать 30 страниц. Они должны быть составлены в 3 экземплярах, 2 из которых вручаются сторонам, а один остается у судьи;

суд правомочен по собственной инициативе (и) или по предварительному согласию сторон и автора письменных соображений до рассмотрения дела по существу вызвать автора письменных соображений для дачи устных объяснений.

Итак, сама идея, несомненно, вызывает интерес. В сложных вопросах, требующих знаний в различных отраслях, у судей появляются помощники, которые, несомненно, будут предоставлять ценную информацию для принятия решения. Неспроста судебные системы значительно количества государств предусматривают такие правовые институты.

Напомним, что институт *amicus curiae* известен еще со времен римского права. Начиная с IX в. он вошел в английское право, получив там большое распространение к XVII–XVIII вв. В настоящее время он достаточно популярен в США, Англии, иных государствах (в том числе романо-германской правовой системы). Нередко прибегают к его услугам в международных судах (например, Европейский суд по правам человека, Межамериканский суд по правам человека) и в международных организациях (например, ВТО).

Под *amicus curiae* можно понимать физическое или юридическое лицо, которое, не являясь представителем стороны обвинения или защиты, по собственной инициативе, желая оказать содействие суду в решении рассматриваемого вопроса, в письменном виде подает свои умозаключения (*amicus curiae brief*). Основная идея *amicus curiae* заключается в том, что суд может не владеть всей информацией, а заявление стороннего эксперта или экспертной организации помогает судьям разобраться в деталях сложного дела (например, если суду необходимо ответить на вопросы о влиянии насильственных видеороликов на психику детей, ему желательно услышать мнения экспертов, и краткие справки независимых «друзей» должны оказывать помощь в этом). В идеале информация должна быть нейтральной, непредвзятой.

При этом научные организации или граждане, которые хотят выступить в качестве друга суда, могут опираться только на собственные

данные и не вправе требовать предоставления судом материалов дела для подготовки инициативного научного заключения. В этом и состоит основное отличие друга суда от привлеченного консультанта, который работает по запросу суда, а не высказывается по личной инициативе [4].

Однако в правоприменительной практике государств, где институт *amicus curiae* насчитывает вековую историю, не все так однозначно. И в научных трудах зарубежных ученых в последние годы усиливается критика рассматриваемого правового института. Среди основных проблем можно выделить две ключевые.

Первая состоит в том, что классическое понимание друга суда в последние годы теряет свою актуальность. Пользуясь интернетом, любой желающий может претендовать на роль *amicus curiae*, отыскав нужную информацию в сжатые сроки и оформив в качестве заключения друга суда. В результате суды загромождены десятками заключений, часто содержащих непроверенные факты, и судьи вынуждены их выслушивать.

Так, профессора Э.О. Ларсен и Н. Дэвинс отмечают, что заключения друзей суда приобщаются к 98 % дел Верховного суда США (подаются свыше 800 заключений во время каждой сессии). За последние 60 лет количество таких заключений возросло на 800 %, а за последние 20 – на 95 %. Количество заключений по одному делу может не иметь границ. Так, при рассмотрении громкого дела о доступности медицинского обслуживания было подано 136 заключений, дела о законодательстве штата Техас по вопросу аборт – более 80, а при рассмотрении дела об однополых браках друзья суда представили 148 заключений (новый рекорд) [5].

При рассмотрении судом резонансного уголовного дела по факту гибели рядового Коржича в качестве свидетеля в суде был допрошен заведующий кафедрой судебной медицины БГМУ, который, основываясь на данных из учебной и научной литературы, описывал случаи, когда самоубийцы связывали себе руки и ноги перед повешением, отмечая общую вычурность обстоятельств, которая, по его мнению, может говорить о самоубийстве. При этом в его практике не было случаев, чтобы самоубийца связывал себе ноги. Про подобные истории, описанные зарубежными коллегами, ему не известно [6]. В случае существования института *amicus curiae* в суды могли бы поступать десятки заключений, в которых «друзья суда» просто излагали бы свое (часто предвзятое) мнение по этим вопросам, скорее всего, со ссылками на интернет-источники. Содержание подобных заключений можно представить, прочитав и соответствующие форумы (в том числе *talks.by*), на которых один за другим появляются многочисленные «специалисты», высказывающие ничем не подтвержденные суждения.

Вторая проблема – то, что *amicus curiae* перестает быть независимым другом суда, представляя интересы той или иной стороны судебного процесса [7, 8]. Если ранее друзья суда действительно были третьей стороной, заинтересованной в справедливом разрешении дела, являлись независимыми и бескорыстными, то сегодня под видом *amicus curiae* каждая из сторон приглашает специалистов (и не только), чтобы те усиливали ее позиции.

Вышеупомянутые Э.О. Ларсен и Н. Дэнвинс приводят этому многочисленные примеры. Так, решение по делу *King v. Burwell* повлияло на реформу здравоохранения, отголоски которой известны и нам. Во время разбирательств правительство привлекло к делу юриста, задача которого состояла в том, чтобы находить друзей суда и координировать их действия в свою поддержку. Большое количество сходных примеров позволяет говорить о том, что сегодня институт *amicus curiae* становится прекрасным инструментом судебного лоббирования. В настоящее время стороны, готовящиеся к рассмотрению дела в суде, привлекают новых членов: *amicus wrangler* (крикуны или ковбои) и *amicus whisperer* (сплетники или шептуны). Задача первых – решать, что должны услышать судьи, находить и координировать работу вторых в подготовке заключений друзей суда, а те, в свою очередь, «нашептывают» судьям нужную информацию. Именно этот разработанный механизм и предлагается именовать машиной *amicus* [5].

Заключения друзей суда в подавляющем большинстве случаев начинают дублировать и усиливать аргументы, представляемые той или иной стороной судебного процесса. А придание этим доводам статуса сторонней экспертной оценки, несомненно, оказывает дополнительное влияние на судей. Люди, которые утверждают, что являются друзьями суда, практически без исключения являются друзьями одной из сторон по делу [9].

Достаточно сходным по своему содержанию и также могущим преследовать цель влияния на судей можно назвать ведение правовых блогов адвокатами. В них могут размещаться и заключения друзей суда, что угрожает беспристрастному отправлению правосудия и будет систематически ущемлять ту или иную сторону. Несмотря на то что феномен правовых блогов насчитывает меньше двух десятилетий, они уже способны оказать существенное влияние на судебный процесс [10].

И все же у института *amicus curiae* в его классическом виде, пожалуй, больше достоинств, чем недостатков. И даже заинтересованность друга суда может выполнять функцию выражения мнения той или иной части общества по важным, общественно значимым вопросам, которые являются предметом судебного разбирательства. При этом институт *amicus curiae* может иметь место в конституционном праве, некоторых

других отраслях, но вести речь о введении его в уголовный процесс, по нашему мнению, нецелесообразно или как минимум преждевременно. Уголовно-процессуальное законодательство в настоящее время обладает достаточным набором инструментов для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела. Тем не менее считаем полезным более детально изучить данный правовой институт, найти четкие отграничения друзей суда от свидетелей, специалистов, экспертов. Друг суда – отчасти эксперт, отчасти адвокат, однако он не тождествен ни первому, ни второму. Особо пристального внимания заслуживают законодательство и правоприменительная практика тех государств, где *amicus curiae* имплементирован именно в уголовный процесс, но при исследовании этих вопросов, чтобы сформировать объективное суждение, отрицательному опыту должно уделяться не меньше внимания, чем положительному. В противном случае мнение судейского корпуса будет соответствовать мнению, присущему и ряду зарубежных судей. Один из авторитетнейших членов Верховного суда США Дж.П. Стивенс, занимавший свой пост с 1975 по 2010 г., после выхода в отставку сказал: «Обычно я даже не читал заключения *amicus*. Это была одна из задач, которые я поручил своим судебным клеркам». Его коллега А. Скалия, выступая в Чикагско-Кентском колледже права, выразился более остро: «Мои судебные клерки читают все заключения друзей суда. И только если они увидят „спрятанный трюфель“, то обратят на него мое внимание» [9].

1. Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] // Рос. газ. 2013. 4 февр. URL: <https://rg.ru/2013/02/04/karta-mvd-site-dok.html> (дата обращения: 09.10.2018).

2. Джатиев В.С. О «болезнях» современного российского уголовного процесса // 150 лет Уставу уголовного судопроизводства России: современное состояние и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 9–10 апр. 2014 г.) / Акад. упр. МВД России. М., 2014. Ч. 1.

3. Порядок гарантирую. Игорь Шуневич: разговор о прошлом, настоящем и будущем [Электронный ресурс] // СБ. Беларусь сегодня. 2017. 25 февр. URL: <https://www.sb.by/articles/poryadok-garantiruy.html> (дата обращения: 09.10.2018).

4. Голубкова М. В регламенте высшего судебного органа РФ закреплён институт *amicus curiae* [Электронный ресурс] // Рос. газ. 2017. 19 окт. URL: <https://rg.ru/2017/10/19/reg-szfo/konstitucionnyj-sud-zakrepil-v-reglamente-institut-druzej-suda.html> (дата обращения: 02.10.2018).

5. Larsen A.O., Devins N. The *amicus* machine [Electronic resource] // Virginia Law Review. 2016. 1 dec. URL: <http://www.virginialawreview.org/sites/virginialawreview.org/files/Larsen%26DevinsOnline.pdf> (date of access: 02.10.2018).

6. Борисевич К. «Самоубийцы не знают все механизмы смерти и связывают себе руки». По делу Коржича выступил эксперт [Электронный ресурс] // TUT.BY. URL: <https://news.tut.by/society/610737.html> (дата обращения: 08.10.2018).

7. Banner, S., The Myth of the Neutral Amicus: American Courts and Their Friends, 1790–1890 [Electronic resource] // University of Minnesota Law School. Scholarship Repository. 2003. URL: <https://scholarship.law.umn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2060&context=concomm> (date of access: 03.10.2018).

8. Larsen A.O. The Trouble with Amicus Facts [Electronic resource] // Virginia Law Review. 2014. 24 nov. URL: http://www.virginialawreview.org/sites/virginialawreview.org/files/Larsen%26Devins_Online.pdf (date of access: 03.10.2018).

9. Liptak A. Study Shows How Much Work It Takes to Be Supreme Court's Friend // The New York Times. 2016. March 7. URL: <https://www.nytimes.com/2016/03/08/us/politics/study-shows-how-much-work-it-takes-to-be-supreme-courts-friend.html> (date of access: 05.10.2018).

10. Lee R.C. Ex parte blogging: the legal ethics of supreme court advocacy in the internet era machine [Electronic resource] // Stanford Law Review. 2009. URL: <http://www.stanfordlawreview.org/wp-content/uploads/sites/3/2010/04/RLee.pdf> (date of access: 10.10.2018).

УДК 343.13(470)

Д.А. Гришин

ПРОБЛЕМЫ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Российский уголовный процесс характеризуется стадийностью эволюции соответствующей деятельности при производстве по уголовному делу. Деление уголовного судопроизводства на стадии позволяет упорядочить и оптимизировать деятельность правоохранительных органов, консолидировать однородную деятельность соответствующих должностных лиц. Любое уголовное дело должно пройти определенные этапы. На каждом этапе решаются определенные задачи для достижения установленной цели. Переход от одной стадии к другой оформляется соответствующим процессуальным решением, без которого невозможно начало последующего этапа.

Собственно говоря, основная часть уголовно-процессуальной деятельности возможна исключительно после возбуждения уголовного дела. Поэтому мы считаем, что возбуждение уголовного дела, отграничивая преступное от непроступного, является правовым и организационным началом в уголовном процессе, позволяющим вести речь о всех остальных стадиях.

Возбуждение уголовного дела – самостоятельная и необходимая стадия уголовного процесса, представляющая собой процессуальную форму, в рамках которой устанавливается наличие или отсутствие фактических и юридических оснований для производства предварительного расследования или судебного разбирательства [1, с. 6]. Часто деятельность в рамках рассматриваемого этапа представляется неэффективной, так как в условиях низкого уровня информационной осведомленности должностных лиц правоохранительных органов осуществляется большое количество действий, результаты которых в последующем остаются невостребованными.

Уголовно-процессуальная деятельность возможна как до, так и во все без вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. Здесь следует обратить внимание на осмотр места происшествия, на предварительную проверку информации о преступлении и непосредственно на решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

При этом вызывает вопросы сама стадия возбуждения применительно к своему качественному составу. Большинство мнений сходится в том, что данная стадия включает в себя предварительную проверку сообщения о преступлении и вынесение соответствующего решения по ее результатам. Является ли данная деятельность процессуальной? Безусловно. Такая позиция в первую очередь подтверждается тем, что данная деятельность регулируется УПК РФ. Несмотря на то, что процесс сбора доказательств в рамках возбуждения уголовного дела ограничен, активность должностных лиц на данной стадии относится к уголовному судопроизводству и должна рассматриваться в качестве уголовно-процессуальной.

Сложившаяся правоприменительная практика вызывает некоторую озабоченность относительно эффективности уголовно-процессуальной деятельности на данном этапе. Мы считаем, что в некоторых случаях предварительная проверка нарушает право граждан на доступ к правосудию, провоцируя неоправданную задержку производства непосредственного расследования. На данный момент по поступающим сообщениям проводится как минимум 10-дневная проверка, что, в свою очередь, влечет потерю драгоценного времени. Результаты исследования отказных материалов и уголовных дел позволяют говорить о том, что в 90 % случаев осуществляется продление установленного УПК РФ первоначального трехдневного срока предварительной проверки поступающих сообщений о совершенных преступлениях. Бесспорно, в некоторых случаях проверка необходима (экономические дела, обнаружение трупа